

Научная статья
УДК 82-13
DOI 10.18101/2686-7095-2023-2-37-42

**В ПОИСКАХ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЭПОСА:
ЗАМЕТКА О БОГАТЫРСКИХ ПОЭМАХ РУБЕЖА XVIII–XIX ВВ.**

© **Яклюшина Мария Сергеевна**
аспирант,
Уральский федеральный университет
Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
maria.iaklushina@urfu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты поэтики богатырских поэм рубежа XVIII–XIX вв., в частности поэм «Илья Муромец» Н. М. Карамзина, «Альоша Попович», «Чурила Пленкович» Н. А. Радищева и «Бахарияна» М. М. Хераскова. С помощью методов культурно-исторического и сравнительного анализа мы подчеркиваем несколько элементов, указывающих на жанровые поиски и эксперименты авторов. Подробно отмечены два аспекта: различия в воззвании «к музе», с которого начинаются все поэмы, и различия в описании главного героя, богатыря. Мы видим, что обращения к «не-музе» в каждом из произведений одновременно и связывают их с традициями эпической поэмы, и декларируют отрицание элементов поэтики уходящего века. Описание главного героя различается в поэмах: перед читателем может предстать как образ европейского рыцаря в латах, так и русского витязя с деревянной палицей. В зависимости от поставленных акцентов в образе делаются выводы о собственных приоритетах автора в поэтических экспериментах.

Ключевые слова: богатырская поэма, сказочная поэма, Н. А. Радищев, М. М. Херасков, Н. М. Карамзин, Бахарияна, Илья Муромец, Альоша Попович, Чурила Пленкович.

Для цитирования

Яклюшина М. С. В поисках русского национального эпоса: заметка о богатырских поэмах рубежа XVIII–XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 2. С. 37–42.

Рубеж XVIII–XIX вв. — интересное время для жанра поэмы в русской литературе. Всего парой десятилетий ранее, но фактически в другую литературную эпоху, созданы признанные образцы русской эпической поэмы — «Россияда» (1779) и «Владимир Возрожденный» (1785) М. М. Хераскова. При всей значимости в искусстве XVIII в. эпической поэмы названные произведения были написаны уже на излете классицизма и не так заметно повлияли на современный им литературный процесс.

Параллельно с эпической активно развивается комическая, или «салонная», поэма. Это «несерьезный» жанр низкого штиля, но на деле в нем идет активная проработка особенностей языка и композиции текста, отношения к образу автора, что можем отметить в «Душеньке» (1783) И. Ф. Богдановича. При этом комическая поэма не могла выполнять в культуре той же роли, что национальный эпос.

Активные творческие поиски наилучшего выражения национальной идеи в русской литературе совпадают с ростом интереса к древности, в том числе к русскому фольклору. Активизируются публикации народных сказок с их сюжетным

и мотивным разнообразием, общество знакомится с народными песнями, а через них — с метром и ритмом народной поэзии. В 1770–1774 гг. вышел большой сборник М. Д. Чулкова «Собрание разных песен» (в четырех томах); в 1790 г. — сборник Н. А. Львова «Собрание русских простонародных песен с их голосами, положенными на музыку Иваном Прачем». Следует отметить и активный интерес А. И. Мусина-Пушкина к памятникам древнерусской литературы, приведший к публикации «Слова о полку Игореве» (1800).

Закономерно, таким образом, появление новых поэтических произведений, объединяющих поэтические достижения комической поэмы с устремленностью к национальному своеобразию. А. Н. Соколов, говоря о жанре поэмы, основанной на фольклорном материале, указывает на две проблемы. Во-первых, поэма развивалась в период предромантизма и в самую зарю романтизма, когда писатели принципиально отказывались от принятых в классицизме жанровых канонов и иностранных образцов. Во-вторых, ориентация на отечественный фольклор понималась авторами различно: обращаясь к различным фольклорным жанрам, они по-разному воплощали в произведении связь с народной культурой [10, с. 266–267]. Это приводит к тому, что в литературоведении для поэмы такого типа существует несколько вариантов названий, более или менее соответствующих каждому отдельному случаю: «сказочные», «богатырские», «сказочно-богатырские» поэмы, «русская поэма», «русская эпопея», «романтическая эпопея». А. Н. Соколов считает, что все эти наименования имеют смысл и подчеркивают разные значимые стороны феномена. Мы остановимся на термине «богатырская поэма» и рассмотрим с точки зрения отдельных особенностей поэтики несколько ее вариантов: это «Илья Муромец» Н. М. Карамзина, «Альоша Попович» и «Чурилы Пленкович» Н. А. Радищева, «Бахарияна» М. М. Хераскова.

Жанровая природа данных поэмы и сегодня вызывает заметный интерес у исследователей. Из последних следует отметить работы Т. В. Федосеевой о характере исторического мышления в богатырских поэмах [11], О. В. Захаровой о трансформациях образа Чурилы Пленковича и Алеши Поповича [2–4], О. Э. Подойницыной о жанровых противоречиях «Ильи Муромца» [7]. Кроме того, само понятие «богатырства» существенно влияет на национальную литературу и после угасания рассматриваемого нами жанра, о чем подробно пишет, например, С. В. Капустина [5].

Начало жанру богатырской поэмы положила изданная в 1795 году «богатырская сказка» Н. М. Карамзина «Илья Муромец». Это произведение не окончено — читателям представлены только введение и завязка сюжета, в которой «богатырь молодой» Илья Муромец встречает и пробуждает от колдовского сна девушку-воительницу. Значение этой первой богатырской поэмы не в сюжете — вполне возможно, что Карамзин и не собирался продолжать «Илью Муромца». В небольшой первой части произведения он уже вводит новый «русский стих», провозглашает ориентацию на родной фольклор и мифологию, утверждает увеселительный характер поэмы.

«Илья Муромец» написан четырехстопным хореем с дактилическими клаузулами, белым стихом: «Нам другия сказки надобны, / Мы другия сказки слышали, / От своих покойных мамушек. / Я намерен слогом древности / Рассказать теперь одну из них» [6, с. 95]. Это не тоническое стихосложение, свойственное былинам,

но все же создающее близкое впечатление. Такой же слог будет использовать М. М. Херасков в более поздней «Бахарияне».

От Карамзина же идет в определенном смысле травестированное воззвание к «не-музе» в начале поэмы. В жанровом каноне античной и классицистической эпической поэмы было принято звать к Музе или к Истине. Богатырская поэма переворачивает этот известный всем любителям классицистической литературы элемент канона с ног на голову. В «Илье Муромце» автор обращается к Неправде, очевидно отталкиваясь от возвания к Истине. Звучит воззвание в первой богатырской поэме так: «Ты, которая в подсолнечной, / Всюду видима и слышима, / Ты, которая как бог Протей, / Всякой образ на себя берешь, / Всяким голосом умеешь петь, / Удивляешь, забавляешь нас, / Всё вещаешь, кроме... истины. <...> / О, богиня света белаго — / *Ложь, неправда*, призрак истины! / Будь теперь моей богинею <...> / Ложь! с тобою не учиться мне / Небылицы выдавать за быль» [6, с. 95].

В «богатырском песнотворении» Николая Александровича Радищева «Альоша Попович» (1801) также декларативно прописывается отказ от классического возвания к Музе: «Богинь Парнасских не зываю, / Оставя древний в том обряд, / И песнь без Муз я начинаю; / Без них найду в стихах я склад. / Альошу древняго пою: / Внуши, Альоша! песнь мою» [8, с. 3].

Во вступлении к «Бахарияне» (1803) М. М. Хераскова также появляется не муза, а богиня Фантазия (перекликаясь с «Неправдой» Н. М. Карамзина), провозглашая ориентацию на древнерусскую тематику и карамзинский слог: «Услаждай, рисуй, выписывай, / Древним пой стихосложением, / Коим пели в веки древние / Трубадуры царства Рускаго; / <...> Иль таким стихосложением, / Коим справедливо нравится / Недопетый Илья Муромец» [12, с. 10].

Мы видим, что поэты, обращаясь многовековой традиции эпической поэмы, не полностью отказываются от начального классического возвания. При этом они напрямую полемизируют с традицией, пытаясь найти тему и слог для самобытной, национальной поэмы. Спор этот ведется как бы в шутку, легким слогом, но имеет большое значение для литературного процесса. В частности, в этом споре автор проявляется как своеобразный герой, ведущий диалог с читателем и с текстом¹.

Если классицистические эпические поэмы, такие как «Россияда» или французская «Генриада», обращались к исторической тематике и к античным жанровым образцам, то богатырская поэма для создания эпоса нового времени — к древнему национальному эпосу. Обращение это достаточно своеобразно: сюжеты фольклора и народного эпоса переплетаются с привычными для литераторов XVIII в. европейскими мотивами и сюжетами. Один из наиболее показательных примеров такого смешивания — образ главного героя, богатыря.

В «Илье Муромце» герой выглядит как европейский рыцарь — в полных латах, в пернатом шлеме, а для повествования о нем взаимозаменяемо используются слова «богатырь», «витязь» и «рыцарь»: «На главе его пернатый шлем, / с золотою, светлой бляхою, / на бедре его тяжелый меч, / латы, солнцем освещенныя, / сыплют искры и огнем горят. <...> / Кто сей рыцарь? — Илья Муромец» [6, с. 96].

¹ Подробнее об этом феномене и его значении для дальнейшей литературы писала, например, Т. И. Акимова, см.: [1].

В «Бахарияне» главный герой (Орион, или «Неизвестный») выглядит и описывается также как рыцарь: «Рыцарь въ малой лодочке сидит, / Голову его закрыл шлемом, / Осененный тремя перьями, / Тремя перьями, сокольими, Жолтыми, не разпещренными. / Въ латы онъ одет кольчужныя, / В латы, в латы вороненныя; / Держить он в руке булатный мечь; / Щит, как будто мрачной облачок, / На груди тихонько движется...» [12, с. 13]. Мы видим интересное сочетание «богатырских» элементов образа — булатного меча, «шеллома», «воронёного» цвета брони и «рыцарского» пернатого шлема и лат.

Н. А. Радищев осмысливает непосредственно в тексте поэмы это противоречие образа главного героя. В «Альоше Поповиче» он дает достаточно нейтральный с точки зрения описания брони образ витязя: «Под шлемом волосы чернеют, / Вясь, падут по раменам, / Глаза блистают и светлеют, / Подобясь жарким двум звездам. / Он прям и строен так, как кедр, / И меч висит пониже бедр. / В десной его копье золотое, / А в шуйей крепкой черной щит, / На коем знаменье святое / Изсечен бог Перун сидит. / Броня железна кроет грудь...» [8, с. 4]. Видимо, почувствовав, что в таком описании недостаточно национального колорита, своего второго богатыря, Чурилу Пленковича, Радищев описывает уже более полемично. Сначала он обращается к Музе, которую так отвергали авторы этого жанра, с просьбой описать рыцарские латы героя и сравнить с известным героем европейской рыцарской поэмы: «На древняго Нимврода, На юнаго Ренода...?» [9, с. 33]. После чего отрицает подобный образ и описывает абсолютно самобытного героя: «Одежду он носил простую, / Не броню крепкую стальную; / Суконной Русской балахон, / Чтобы движеньям мышц не делал он препон. / Под ним полукафтанье парчевое, / Где по краям шитьё узорчато золотое / Подтягивал кушак Персидской с серебром; / Высока шапочка, опушена бобром, / Главу Чурилы покрывала <...> Не меч висит на нем, из стали иссеченной, / И в дланях у него не крепкой лук тугой / С звучащей тетивой; / Не щит гербами испещренной, но толстой длинной клен <...> И нож кожевничий...» [8, с. 34–35].

Мы видим в этих поэмах поиски образа национального героя. Перед нашими авторами стоят, по сути, вопросы: важен ли для нас внешний образ героя? Если да — связать ли его с традициями европейской литературы или искать новый, национальный образ? Писатели отвечают на эти вопросы по-разному. Для Карамзина важнее пока что не внешность героя, а идея русского стиха и богатырской тематики, поэтому какого-либо спора об образе героя не возникает: это классический юноша эпохи сентиментализма, просто одетый как благородный русский витязь, представляемый в конце XVIII в. в образе рыцаря в латах и в пернатом шлеме. Для Н. А. Радищева, несмотря на шуточный тон его поэм, поиски образа именно русского богатыря имеют значение, и это отражается в своеобразном споре с Музой. Герой М. М. Хераскова является на деле аллегорическим персонажем и связан потому и с русской сказкой, и с традициями европейской литературы: выглядит и ведет себя в зависимости от контекста и как благородный рыцарь, и как герой русского фольклора.

Конечно же, понимание богатырской поэмы как отдельного жанра требует более детального анализа поэтики, но уже эти два аспекта показывают нам, как происходили поиски нового эпического начала в русской поэзии на рубеже XVIII–

М. С. Яклюшина. В поисках русского национального эпоса: заметка о богатырских поэмах рубежа XVIII–XIX вв.

XIX вв. Poleмический отказ от обращения к музе указывает на постепенный разрыв с классицистической поэтикой, но одновременно само присутствие обращения к фантастической сущности — Неправде, Фантазии, герою произведения — парадоксально продолжает традиции эпической поэмы. Образ героя-богатыря, еще мерцающий и напоминающий классического рыцаря, обнаруживает поиски нового типа героя. Пусть богатырская поэма и не дошла до современного читателя в корпусе признанных произведений русской классики, поэмы Н. М. Карамзина, Н. А. Радищева, М. М. Хераскова открыли дорогу к литературным сказкам и романтической поэме XIX в.

Литература

1. Акимова Т. И. Поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» и волшебнo-сказочные поэмы К. XVIII–XIX века // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 106–115. Текст: непосредственный.
2. Захарова О. В. Образ Алеши Поповича в «Богатырском песнотворении» Н. А. Радищева (проблема жанровых трансформаций) // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 107–126. Текст: непосредственный.
3. Захарова О. В. Проблема сюжета и жанра в «Чуриле Пленковиче, богатырском песнотворении» Н. А. Радищева // Проблемы исторической поэтики. 2017. № 1. С. 20–35. Текст: непосредственный.
4. Захарова О. В. Жанровые трансформации в «Повести о сильном богатыре Чуриле Пленковиче» В. А. Левшина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3(164). С. 107–111. Текст: непосредственный.
5. Капустина С. В. Концепт «богатырство» в русской литературе: диалектика константного и оригинального // Вестник БГУ. Филология. 2019. № 2. С. 27–32. Текст: непосредственный.
6. Карамзин Н. М. Илья Муромец // Русская поэзия: собрание произведений русских поэтов / под редакцией С. А. Венгерова. Санкт-Петербург: Тип. И. А. Ефрона, 1893–1901. Вып. 7. С. 95–98. Текст: непосредственный.
7. Подойницына О. Э. «Богатырская сказка» Н. М. Карамзина // Преподаватель XXI век. 2012. № 2. С. 373–378. Текст: непосредственный.
8. Радищев Н. А. Альоша Попович, богатырское песнотворение. Москва: Университетская типография, 1801. 108 с. Текст: непосредственный.
9. Радищев Н. А. Чурила Пленкович, богатырское песнотворение. Москва: Университетская типография, 1801. 200 с. Текст: непосредственный.
10. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. Москва, 1955. 692 с. Текст: непосредственный.
11. Федосеева Т. В. О предромантическом характере исторического мышления в русской литературе рубежа XVIII и XIX веков // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predromanticheskom-haraktere-istoricheskogo-myshleniya-v-russkoy-literature-rubezha-xviii-i-xix-vekov> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.
12. Херасков М. М. Бахарияна, или Неизвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок. Москва: Тип. Платона Бекетова. 1803. 480 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 29.04.2023; принята к публикации 18.05.2023.

IN SEARCH OF THE RUSSIAN NATIONAL EPOS:
A NOTE ON THE BOGATYR POEMS
OF THE LATE 18th — THE EARLY 19th CENTURIES

Mariya S. Yaklyushina
Research Assistant,
Ural Federal University
19 Mira St., Ekaterinburg 620002, Russia
maria.iaklushina@urfu.ru

Abstract. The article deals with certain aspects of the poetics of heroic poems of the late 18th — the early 19th centuries, in particular, the poems "Ilya Muromets" by N. M. Karamzin, "Alyosha Popovich", "Churila Plenkovich" by N. A. Radishchev and "Bakhariyana" by M. M. Kheraskov. Using the methods of historic cultural and comparative analysis, we have emphasized several elements that point to genre experimentation by the authors. We consider the following two aspects in greater detail: differences in the appeal to "the muse", with which all poems begin, and differences in the description of the central character — bogatyr. It can be observed that the appeals to the "non-muse" in each of the works both link them with the traditions of the epic poem, and at the same time declaratively challenge elements of the passing age's poetics. The description of the protagonist varies in the poems: the reader can see both the images of a European knight in armor and a Russian knight with a wooden club. The central character's description varies depending on authorial intent and particular focus on creative experimentation.

Keywords: bogatyr epic, fantasy epic, N. A. Radishev, M. M. Kheraskov, N. M. Karamzin, Bakhariyana, Ilya Muromets, Alyosha Popovich, Churila Plenkovich.

For citation

Yaklyushina M. S. In Search of the Russian National Epos: A Note on the Bogatyr Poems of the Late 18th — the Early 19th Centuries. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2023; 2: 37–42 (In Russ.).

The article was submitted 12.04.2023; approved after reviewing 29.04.2023; accepted for publication 18.05.2023.